

Инна Сергиенко

«КРИБЛЕ-КРАБЛЕ-БУМС!»: ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ РАДИО-АНДЕРСЕНИАНЫ 1950-Х ГОДОВ

В статье рассматривается радиопостановка по сказкам Х.-К. Андерсена, выходившая на Всесоюзном радио с 1955 г. по 1959 г., созданная сценаристом С. М. Богомазовым, композитором Б. А. Чайковским и режиссером А. А. Столбовым. Сценарий радиоспектакля основан как на широко известных на тот момент сказках («Свинопас», «Новое платье короля», «Стойкий оловянный солдатик», «Принцесса на горошине»), так и на менее известных («Калоши счастья», «Улитка и розовый куст», «Штопальная игла», «Ель»). Радийные интерпретации произведений Андерсена являются наименее изученной частью российской андерсенианы. Основной исследовательский фокус статьи сосредоточен на приемах адаптации книжного текста к радиальному формату и на том, в какой мере эти адаптации определялись социально-культурным и политическим контекстом. Трактовка творчества Х.-К. Андерсена, предложенная создателями радиоспектакля, рассматривается в связи с некоторыми тенденциями в массовой культуре оттепели (деполитизация, эсказизм, инфантилизм). Автор уделяет внимание фигуре Сказочника (в исполнении Н. В. Литвинова), отмечая, что этот образ, впоследствии закрепившийся в советской и постсоветской андерсениане, является новаторским относительно предшествующей традиции, включая пьесы Е. Л. Шварца.

Ключевые слова: детское радио, радиоспектакль, андерсениана, сказка, С. М. Богомазов, Х.-К. Андерсен, Сказочник

Русская андерсениана представляет собой не только неисчислимое количество самых разнообразных адаптаций андерсеновских текстов, но и яркий пример культурного трансфера, в процессе которого при переносе феномена датской литературы на русскую

Инна Анатольевна Сергиенко, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, inna_antipova@bk.ru

почву возникло оригинальное явление русской культуры — «русский Андерсен», многослойный культурный феномен, включающий переведенные тексты, биографический миф, читательскую рецепцию, критику, исследования и различные внелитературные явления. Этот процесс, начавшийся в середине XIX в., не завершен и сегодня, а этапы интеграции творчества Х.-К. Андерсена в русскую культуру отражают особенности этапов русской политической и культурной истории (см.: [Dane 1994; Balina 2020; Kukulin 2020]), в связи с чем представляется возможным еще раз обратиться к исследовательскому сюжету «Андерсен в культуре советского/российского детства», акцентируя малоизученные аспекты.

Сказки Андерсена, появившиеся в России в 1850-е гг.¹, уже к концу XIX в. стали восприниматься как классические тексты детского чтения (во многом благодаря переводам супругов Ганзен). В начале XX в. произведения Андерсена были представлены в разнообразных издательских форматах — от собрания сочинений до лубочных изданий типографии И. Сытина. Наряду с переводами А. и П. Ганзен имели хождение переводы П. Вейнберга, Марко Вовчка, Н. Перелыгина, М. Благовещенской, М. Лялиной, пересказы О. Роговой и пр. В культуре советского детства творчество Андерсена присутствовало начиная с момента ее становления. Книги Андерсена издавались в России даже в период Гражданской войны (1917–1922), количество их увеличилось во время НЭПа, а в 1930-е гг. стали выходить сборники², состав сказок в которых впоследствии становится каноническим. Если в начале 1920-х гг. некоторые критики еще могли высказываться неодобрительно по поводу допуска сказок Андерсена в круг чтения советских детей, потому что «любовью и преданностью к царям дышат его произведения» [Станчинская 1924, 129], то уже в конце 1920-х и особенно в 1930-е гг., когда происходило окончательное оформление тоталитарной архитектоники советской культуры, творчество Андерсена оценивается как идеологически близкое и легитимируется в круге детского чтения. Известный критик тех лет А. Дейч в одной из своих статей, посвященных Андерсену, пишет о советском строе как о воплощении чаяний, выраженных в его сказках: «...Советский Союз осуществляет эту сказку ежедневно. <...> Дети советской страны привыкли, что многие члены Советского Правительства, летчики, инженеры, ученые, исследователи были когда-то бедняками, пастухами, батраками, грузчиками и достигли того, к чему стремились при помощи Великой Октябрьской революции» [Дейч 1937, 14].

Так Андерсен входит в число одобренных советской идеологической цензурой классиков детской литературы. Важную роль в создании русской андерсенианы сыграли пьесы Евгения Шварца, написанные по мотивам «Голого короля» (1934), «Снежной королевы» (1938) и «Тени» (1940). Шварц не только ввел сказки Андерсена в советский детский театр, а позднее и кинематограф, но, по мнению исследователей, трансформируя тексты Андерсена, выразил то «политическое, эстетическое и экзистенциальное», что было актуально для самого Шварца и его эпохи [Wolfson 2020, 249]. «Насколько Шварц немыслим без Андерсена, настолько же и Андерсен в нашем сознании практически немыслим без Шварца, — резюмирует киновед П. Багров. — С тех пор как в 1939 году на сцену ленинградского Нового ТЮЗа вышел Павел Кадочников в роли Сказочника из „Снежной королевы“ и весело и таинственно прокартавил „Снип-снап-снурре-пурре-базелюрре“, имена Шварца и Андерсена оказались связаны прочно и, думается, навсегда» [Багров 2006]. В 1950–60-х гг. рецепции творчества Андерсена в советской культуре был дан новый толчок, в котором существенную роль сыграли радиоспектакли и радиопостановки для детей.

Адаптации произведений Андерсена можно разделить на три группы: литературные (пересказы, драматизация (пьесы), биографическая беллетристика³), сценические (постановки драм, комедий, опер, балетов, кукольных спектаклей и самодеятельных инсценировок) и созданные при помощи визуальных и аудиальных технологий (экранизации, мультфильмы, диафильмы, пластинки и радиопостановки). Первые опыты по перенесению сюжетов и образов прозы Андерсена в сферу музыкального и зрелищного искусства относятся к периоду расцвета русского модерна: в 1907 г. в Мариинском театре был поставлен балет «Принц-садовник», о котором автор либретто Валериан Светлов писал: «попытка хореографировать Андерсена является впервые» [Груцынова 2025, 110]; годом позже работу над сочинением оперы «Соловей» начинает И. Стравинский, представив эту постановку в 1914 г. в Театре Елисейских полей в Париже, в этом же году выходит первая экранизация — немой черно-белый фильм «Елка», поставленный Я. Протазановым. Для детской аудитории сказки Андерсена в тот период перерабатывала в пьесы писательница Ольга Жданова⁴: «Заколдованная принцесса» (1911); «Свинопас, или Волшебные игрушки» (1911); «Дикие лебеди» (1912), «Дюймовочка» (1915), они шли в московских театрах Ф. Корша, К. Незлобина, П. Струйского и в «Показательном» [Горбунов 2020].

Развитие технологий привело к воплощению сказок и историй Андерсена в кинематографе, мультипликации и на радио. Первыми советскими экранизациями стали немые короткометражные фильмы «Новое платье короля» и «Девочка со спичками», снятые в 1919 г. режиссером Ю. Желябужским, первым мультифильмом — сказка «Гадкий утенок», созданный в 1956 г. на студии «Союзмультфильм» (режиссер В. Дягтерев). В 1920–30-е гг. Андерсен оказался представлен на советском радио в передачах для детей: как отмечают исследователи, известно, как минимум, 11 упоминаний об исполнении текстов Андерсена в детских передачах на Центральном и Ленинградском радио в этот период [Димяненко 2025]. Хочется подчеркнуть, что именно радио стало первым медиумом адаптации сказок Андерсена для детей, опередив мультипликацию. В 1950–1980-е гг. число радиопостановок по книгам Андерсена измеряется десятками, а их формы варьируются от монологического чтения текста одним исполнителем до радиоспектаклей и циклов с оригинальными сценариями, множеством исполнителей и музыкальным оформлением. Отметим, что именно радио-андерсениана оказывается на сегодняшний день наименее изученной, в отличие, например, от экранизаций произведений [Rogatschevski 2020; Пилиповец 2015], мультипликации [Горбатова 2015] или современных форм [Менисе 2019; Gurova, Krasnova, Zharov 2020].

Радиоспектакль

Из обширного наследия российской радио-андерсенианы мы рассмотрим цикл радиопередач, получивший в оцифрованном архиве Гостелерадио название «Сказки Андерсена»⁵. Эти передачи выходили на московском канале Всесоюзного радио с 1955 г. по 1959 г. и были одним из первых музыкальных радиоспектаклей по произведениям Андерсена, адресованных детям. Цикл состоял из шести «встреч»: «Свинопас»: встреча 1-я (1955); «Улитка и розовый куст» и «Штопальная игла»: встреча 2-я (1955); «Стойкий оловянный солдатик»: встреча 3-я (1956); «Новое платье короля»: встреча 4-я (1957); «Калоши счастья»: встреча 5-я (1958); «У новогодней елки»: встреча 6-я (1959). Одновременно с передачами (или несколько позже) все части этого цикла (за исключением завершающей постановки «У новогодней елки») вышли отдельными изданиями на грампластинках⁶ и стали заметным явлением в музыкальной культуре детства 1960–80-х гг.

Первый выпуск передачи состоялся 1955 г., когда в СССР по инициативе Всемирного совета мира⁷ широко праздновался 150-летний юбилей Х.-К. Андерсена. Политический и социокультурный контекст этого юбилея сегодня хорошо изучен и достаточно подробно описан в работах российских и зарубежных исследователей [Жаров 2017; Balina 2020]. Все они связывают взлет интереса к творчеству и личности Андерсена с наступлением эпохи оттепели, с реформами в жизни советского общества, в котором шли процессы легитимации общечеловеческих ценностей, приватной сферы, ее интимизации; в официальном дискурсе снижался градус мобилизационной риторики Холодной войны и ксенофобии. Популярность произведений Андерсена, конструирование нового «андерсеновского» биографического мифа исследователи обосновывают формированием культуры так называемого «советского бидермайера», в которой Андерсен становится одной из ключевых фигур [Kukulin 2020, 284]. Этот термин связан прежде всего с тенденциями в немецком искусстве периода политического затишья между наполеоновскими войнами и эпохой революций 1848–49 гг., и применяя его к советской массовой культуре времен оттепели и «длинных семидесятых», Илья Кукулин отмечает, что «эстетика, аналогичная бидермайеру... ...может воспроизводиться и в другое время — там и тогда, где нужно „укротить“ радикализацию искусства только что ушедшей эпохи, противопоставить политическим тревогам — дом, уют, мягкий юмор, сентиментальность» [Там же, 286]⁸. Начало вхождения Андерсена в советскую культуру обозначено 1955 г., когда публикуются новые сборники его произведений (среди них знаковое издание «Сказки и истории» с предисловием К. Паустовского и иллюстрациями В. Алфеевского), переиздаются ставшие популярными «Сказки»⁹ с иллюстрациями В. Конашевича, в прессе¹⁰ появляется ряд юбилейных публикаций — от коротких заметок до развернутых эссе и критических статей, среди авторов которых детские писатели С. Маршак, Е. Шварц, В. Инбер, выходит первая научная монография А. Погодина «Ганс-Христиан Андерсен: классик датской литературы».

В этом контексте появление в юбилейный год детской радиопередачи по сказкам Андерсена представляется органичным и ожидаемым. Тем более что к 1955 г. уже имелся опыт радиопостановок по сказкам Андерсена и пьесам Шварца: в 1946 г. была записана радиопостановка «Оле-Лукойе» (сценарист — В. Смирнова, режиссер — Р. Иоффе)¹¹, в 1949 г. — радиокомпозиция «Снежная королева» по мотивам спектакля, поставленного московским Централь-

ным детским театром (сценарист — Е. Шварц, режиссеры Б. Бибиков, О. Пыжова); в 1950 г. — «Дюймовочка», а в 1954 г. — «Русалочка» в исполнении М. Петровой и др. Однако цикл из нескольких передач, связанных метасюжетом, единым музыкальным оформлением и сквозным персонажем (Сказочник), выполняющим роль ведущего, был на радио воплощен впервые. Поэт и радиодраматург С. М. Богомазов, работавший в Детской редакции Всесоюзного гостелерадиовещания как минимум с 1944 г., когда им совместно с детской писательницей Г. Демыкиной была придумана радиопрограмма «Угадай-ка», создал сценарий андерсеновского цикла, музыку написал композитор Б. Чайковский, также до 1952 г. работавший на Всесоюзном радио музыкальным редактором, режиссером выступил А. Столбов, сотрудник Всесоюзного радио с 1947 г., ученик и последователь Р. Иоффе, «положившей начало художественному радиовещанию для детей»¹² [Горяева 2007, 668]. «Работалось всем как-то особенно радостно. Детская редакция Всесоюзного радио помещалась в одной большой комнате на Путинках¹³, в доме, где когда-то жил Рахманинов. Посредине комнаты стоял рояль. Около него собирались композиторы: играли, пели. И — странное дело! — нисколько не мешали редакторам, сидевшим за своими столами», — вспоминает С. Богомазов [Богомазов 1966, 23]. Роли в спектакле озвучивали актеры московских театров и кино: Р. Зеленая, Р. Плятт, М. Яншин, Е. Весник, О. Ефремов, Г. Вицин, Е. Понсова, О. Табаков, главную роль Сказочника исполнял один из ведущих актеров советского радио театра для детей Н. Литвинов (1907–1987).

Каких-либо сведений том, как создавался радиоспектакль «Сказки Андерсена», на сегодняшний день обнаружить не удалось. В отсутствие уточняющей информации остается лишь предполагать, чем был обусловлен отбор текстов Андерсена, положенных в основу сценария: сказки «Свинопас»; «Улитка и розовый куст»; «Штопальная игла»; «Стойкий оловянный солдатик», «Новое платье короля»; «Калоши счастья», «Принцесса на горошине», «Ель». Также в радиопостановку включены фрагменты и отдельные строчки из сказок «Дюймовочка», «Старый уличный фонарь», «Пятеро из одного стручка», «Перо и чернильница», «Снежная королева», «Блуждающие огоньки в городе» и из одного наиболее часто цитируемого письма Андерсена. За исключением сказок «Оловянный солдатик» и «Ель», все остальные сказки, составляющие основу цикла, — сатирические. Обращение, прежде всего, к сатирическим текстам вполне ожидаемо: литературная критика ценила Андерсена

на в качестве сатирика едва ли не с момента первого знакомства русской читающей публики с его произведениями, а в советский период обличительные мотивы сказок Андерсена особенно приветствовались. «Свинопас», «Новое платье короля», «Принцесса на горошине» выходили в 1920–40-е гг. отдельными изданиями и включались в сборники сказок Андерсена, выпущенные в тот период. Популярность этих произведений, относящихся к шедеврам литературной сказки, безусловно, связана и с их лаконичной формой, динамичным повествованием, насыщенным короткими диалогами, гротескными образами героев и юмором. Не меньшей известностью пользовалась лирическая сказка «Стойкий оловянный солдатик», в которой образ главного героя в пространстве андерсеновского биографического мифа соотносился с ним самим. Отметим, что выпуск этой сказки отдельными изданиями в разном художественном оформлении вырос в период 1940-х гг. Менее популярными, а то и малоизвестными были на тот момент (как, впрочем, и сегодня) сатирические истории «Улитка и розовый куст», «Штопальная игла», объемная юмористическая-сатирическая сказочная новелла «Калоши счастья» и одна из самых печальных и пессимистических сказок Андерсена — «Ель», «история человеческой жизни, прожитой бесплодно» [Брауде 1983, 312]. Выскажем предположение, что создателей цикла в «Улитке и розовом кусте» могли привлечь эффектные диалоги, в «Штопальной Игле» — монолог геройни, а в «Калошах счастья» — нарастающая нелепица комических ситуаций. Также вероятно, что интерес к «Улитке...» и «Штопальной игле» мог быть вызван их выраженным антимещанским пафосом: улитка темпераментно заявляет: «Я знать не знаю вашего мира! Какое мне до него дело? Мне довольно самой себя! <...> Плюю я на него! <...> Я замкнусь в себе самой — и баста!» после чего «тупо дремлет в своей раковине» до конца жизни [Андерсен 1973а, 313–314], а Штопальная игла трагикомически честолюбива: заканчивая свое существование в сточной канаве, она воображает себя изысканным потомком солнечного луча. Рождественская тематика «Ели» подходила для заключительной передачи, вышедшей перед Новым годом (религиозные мотивы были отцензуриваны).

Сказочник

Неожиданным оказалось то, что в тексте постановки, за исключением единственной фразы, нет обращения к андерсеновским

пьесам Е. Шварца. Предположить, что в радиоспектаклях будут использованы тексты и образы шварцевских пьес, позволяла не только их широкая популярность, но и то, что центральным персонажем цикла является Сказочник, герой, которого в координатах советской андерсенианы правомерно считать креатурой Шварца. В довоенной традиции фигура рассказчика сказок и историй сливалась с самим Андерсеном, «Великий сказочник» — расхожий эпитет, который в начале XX в. превратился в формулу. Между тем, несмотря на то что во многих сказках Андерсена рассказчик обозначает себя, вступая в начале повествования в диалог с читателем, а также нередко появляется в финальной части, чтобы сформулировать мораль¹⁴, в качестве персонажа сказочник появляется только в одной — из совокупности не менее полутора сотен сказок и историй! — новелле: «Блуждающие огоньки в городе» («Lygtemændene ere i Byen, sagde Mosekonen», 1865). В этой сатирической фантазии, обличающей нравы современной ему литературы и читающей публики, Андерсен выступает в роли своеобразного камео: старуха-Болотница спрашивает сказочника, знает ли он историю о девочке, наступившей на хлеб, и тот отвечает: «Я сам рассказал ее!» [Андерсен 1973а, 321]. В ряде новелл Андерсен вводит героя, под которым угадывается сам автор («Цветы маленькой Иды»; «Роза с могилы Гомера»; «В детской», «Домовой и хозяйка» и др.), но ни в одной из них он не назван сказочником (студент, крестный, «поэт с далекого севера»).

Сказочник, напоминающий своими чертами Андерсена и являющийся одним из главных действующих лиц, появляется в пьесе Шварца «Снежная королева»: он представлен зрителям одновременно и как автор пьесы, и как ее персонаж. «Наличие фигуры автора пьесы в пьесе порождает игру „реального“ и „условного“» [Павлюк 2003, 276] и позволяет обыграть ситуацию сочинения и рассказывания историй, что, кажется, могло бы быть использовано для композиционного оформления радийного цикла по сказкам Андерсена. Но в спектакле из пьесы Шварца заимствована лишь одна фраза: «Крибле-крабле-бумс!»¹⁵, которую Сказочник произносит в начале третьего действия [Шварц 1999, 270]. Эта фраза становится визитной карточкой радио-сказочника, на протяжении всего цикла он повторяет ее 56 раз: каждая передача начинается с музыкальной заставки продолжительностью 25–30 секунд, затем раздается голос Сказочника, который в исполнении Н. Литвинова представлен пожилым человеком, называющим себя «Старый сказочник», и одновременно сказочным существом¹⁶: «Крибле-Крабле-Бумс!

Есть тут кто-нибудь? Садитесь-ка поближе...»¹⁷. Это приветствие повторяется с небольшими вариациями в каждой из шести передач: энергичный хореический агноним выполняет функцию ритмической организации аудиотекста, подчеркивая и отделяя друг от друга смысловые фрагменты, разбивая длинноты оригинального текста и маркируя персонажа. Так, эти слова произносятся во время интервенций реплик Сказочника в текст сказки, как, например, в эпизоде, где Сказочник комментирует действия незадачливого студента-медика, застрявшего в ограде («Калоши счастья»): «Ой, ну, давно бы так. <...> Эх, молодежь, молодежь, думать надо! Да-да! Крибле-крабле-бумс!» [Андерсен 1958, 24:59–25:01]¹⁸. А в конце второй передачи цикла Сказочник дает понять, что эти слова могут служить волшебным заклинанием, этот мотив сохраняется и в следующих частях постановки: «...если только вы слышите мое „крибле“, „крабле“, „бумс“ — значит, уже я тут как тут. А, может, вам самим надо произнести эти словечки, чтобы вызвать старого сказочника? Не знаю, не знаю, не знаю... Попробуйте! Крибле, крабле, бумс!» [Андерсен 1955, 26:06–26:20].

Образ Сказочника, созданный авторами радиоспектакля, актуализирует резонерскую сторону сказочной прозы Андерсена, в отличие от шварцевского Сказочника, принадлежащего не только к модернистской, но и романтической традиции. Сказочник С. Богомазова, А. Столбова и Н. Литвинова ведет повествование с позиции «всеведущего рассказчика», инициируя сказку своим появлением, комментируя ее текст, но, в отличие от героя Шварца, не вмешиваясь в течение событий или действия персонажей. Будучи резонером, Сказочник одновременно обладает чертами волшебного существа, которое можно вызвать заклинанием. Он появляется неизвестно откуда (как бы «входит» в пространство слушателя, что передано репликой «есть тут кто-нибудь?») и исчезает внезапно, завершая свой монолог назиданием: «Вот и вся история. Поразмыслика о ней на досуге!» В то же время, этому персонажу приданы некоторые черты Андерсена: Сказочник обитает в Копенгагене, он осведомлен о других андерсеновских сказочных героях (Дюймовочка, Крот, Ласточка, Жабы, пятеро горошин, уличный фонарь), и характеризует себя слегка перефразированными словами из письма Андерсена: «Мне часто чудится, что каждый забор, каждый цветочек говорит: „Погляди на меня, и у тебя будет моя история. И я гляжу, ничего не пропускаю, а потом возьму, да и напишу сказку“»¹⁹ [Андерсен 1955а, 2:12–2:30]. Мягкие, умеренно-ироничные интонации речи Сказочника, его невозмутимые замечания снижа-

ют трагизм «Штопальной иглы» и «Оловянного солдатика», превращая их в поучительные истории; его энергичные, подчеркнуто взволнованные реплики оттеняют комизм положений героев в «Калошах счастья»; так же мягко, но уже с оттенком патетики звучит голос Сказочника в заключительной части цикла. Этот образ мудрого старца, демиурга и резонера, связанного со сказочной традицией, со «старыми временами», способного преодолевать темпоральные границы, становится одним из канонических в советской и постсоветской андерсениане, отвечая эсказиистскому запросу на нечто «сказочное», «волшебное», «чужое» (западноевропейское) и в то же время доместицировано-утончное («свое»).

Трансформации текста

В том же ключе «укрощения искусства», характерном для «советского бидермайера», представлена завершающая передача цикла — «У новогодней елки» (встреча 6-я). Текст сказки-притчи «Ель» оказывается существенно переработанным, в отличие от текстов остальных сказок, которые (за исключением «Нового платья короля» и «Калош счастья») воспроизводятся в радиоспектакле с минимальными изменениями. Коррективы, внесенные в тексты сказок, представленных в первых четырех передачах, незначительны, и логика их в основном ясна: цензурируется упоминание религии, смерти, часть описаний преобразуется в диалоги, редуцируются избыточные в аудиоспектакле фразы, поясняющие высказывания персонажей, а некоторые реплики, напротив, удваиваются и утраиваются, появляются дополнительные реплики. Избранные примеры подобной переработки текста показаны в таблице 1.

Сценарий сказки «Новое платье короля» (встреча 4-я) наиболее театрализован и беллетризирован: в текст введено множество новых реплик персонажей (Короля, Королевы, придворных и ткачей), которых в андерсеновском тексте они не произносят, ткачи получают имена — Клумпе и Думпе²⁰. Сказка «Калоши счастья» (встреча 5-я) существенно сокращена в объеме, ряд сюжетных линий сконцентрирован, и, в отличие от предыдущих частей, в действие введен новый персонаж — фрекен Ларсен, являющаяся креатурой сценариста, т. к. в текстах Андерсена эта героиня не упоминается. Но эти трансформации не меняют содержания и общего настроя сказок. Заключительная передача основана на мотивах сказки «Ель», существенно переработанных и объединенных с мотивами других сказок. Сохранена (но и сокращена) та часть сказки, где говорится

Таблица 1. Примеры переработки текста

Название сказки	Оригинальный текст	Текст С. Богомазова
Свинопас	<p>В саду принца на могиле его покойного отца вырос розовый куст несказанной красоты [Андерсен 1947, 71] — Фи! — повторили все придворные. — Настоящая! [Там же]</p> <p>— Да! — сказал император и заплакал, как ребенок [Там же, 72].</p> <p>— Надеюсь, птица не настоящая? — спросила принцесса.</p> <p>— Настоящая! — ответили ей доставившие подарки послы.</p> <p>— Так пусть она летит! — сказала принцесса и так не позволила принцу явиться к ней самому [Там же].</p>	<p>В саду принца вырос розовый куст несказанной красоты [Андерсен 1955, 4:00].</p> <p>— Она настоящая!</p> <p>— Настоящая!</p> <p>— Настоящая! [Там же 1955, 7:57–7:56]</p> <p>— Да! Очень напоминает! [Там же, 8:47]</p> <p>— Надеюсь, что птица не настоящая. — Самая настоящая.</p> <p>— Так пусть себе летит, куда хочет. Мне такая не нужна.</p> <p>Распахните окна, да пошире.</p> <p>Иди прочь!</p> <p>И соловей улетел, а принц остался ни с чем [Там же, 8:49–8:52].</p>
Новое платье короля	<p>В королевстве этого короля жилось очень весело, каждый день туда приезжали иностранные гости, и вот раз явилось двое обманщиков [Там же, 28].</p> <p>Ни один человек не хотел признаться, что ничего не видит, опасаясь, как бы не подумали, что он не справляется со своими служебными обязанностями или слишком глуп [Там же, 32].</p>	<p>В том большом городе, где он жил, люди проводили время весело, и туда каждый день приезжали гости, и вот раз явилось двое обманщиков [Андерсен 1957, 3:33–3:40].</p> <p>Ни один придворный не хотел признаться, что ничего не видит, опасаясь, как бы не подумали, что он не справляется со своими служебными обязанностями или слишком глуп [Там же, 33:53–54].</p>
Принцесса на горошине	<p>«Ну, уж это мы узнаем!» — подумала старая королева, но не сказала ни слова и пошла в гостевую спальню. Там она сняла с постели все тюфяки и подушки и положила на доски горошину; поверх горошины положила двадцать тюфяков, а сверху еще двадцать пуховых перинок [Там же, 14].</p>	<p>«Ну, уж это мы узнаем!» — подумала старая королева, но не сказала ни слова и пошла в гостевую спальню. Там она сняла с постели все тюфяки и подушки и положила на доски горошину; поверх горошины положила двадцать тюфяков, а сверху еще двадцать пуховых перинок [Андерсен 1979, 13:00–13:01].</p>
Улитка и розовый куст	<p>Розы мои опадают и разносятся по ветру, но я видел, как одну из них положила в молитвеник мать семейства [Андерсен 1973а, 314].</p>	<p>Розы мои опадают и разносятся по ветру, но я видел, как одну из них положила в книгу мать семейства [Андерсен 1955а, 10:47].</p>

о желании Ёлочки поскорее вырасти и попасть в жилище людей в качестве главного праздничного украшения и о том, как оно сбывается. Описание игрушек на Ёлочке неожиданно превращается в появление героев из предыдущих «встреч», в том числе и погибших, — Танцовщицы и Стойкого оловянного солдатика, а одна из картонных игрушек оказывается замком, в котором живет Принц из сказки «Принцесса на горошине».

Этот прием можно назвать обратным андресеновскому, герои превращаются в картонных кукол и елочные игрушки, их трагедии, конфликты, судьбы переносятся в плоскость детской игры, драматическое напряжение снимается, что можно расценить как инфантилизацию, редукцию хрестоматийной двуадресности сказок Андерсена, писавшего их и для детей, и для взрослых. Хотя очевидно, что прочтение, предлагаемое создателями спектакля, служит созданию предпраздничного, новогоднего настроя передачи. Финал сказки — он же финал всего цикла, в котором герои передачи прощаются со слушателем — заменен на прямо противоположный по смыслу оригиналу. Если у Андерсена Ёлочка погибает, осознав перед смертью тщету своих честолюбивых стремлений: «Так она вся и сгорела. Мальчики опять играли во дворе; у младшего на груди сияла та самая золотая звезда, которая украшала елку в счастливейший вечер ее жизни. Теперь он прошел, канул в вечность, елке тоже пришел конец, а с нею и нашей истории. Конец, конец! Все на свете имеет свой конец!» [Андерсен 1973, 288], то в радиопередаче она лишь опасается такого исхода: «Погас огонек, кончилась сказка. Ёлочка стоит тихо-тихо и, наверное, думает: „Как? Уже конец? И это все?“ Не грусти, милая ёлочка! Завтра ты снова засияешь своим волшебным светом, опять станешь неописуемо прекрасной, И, как знать, может быть, завтра мы вновь соберемся под твоими душистыми зелеными ветками, чтобы послушать новые сказки» [Андерсен 1959, 17:20–17:43].

Заключение

Цикл, созданный С. Богомазовым, Б. Чайковским и А. Столбовым и воплощенный актерами, среди которых особая роль досталась Н. Литвинову, представлял советским слушателям нового Андерсена и новое прочтение его сказок. Радийные «Сказки Андерсена» появились в самый пик оттепели, и переход от резко сатирических сказок (первые две «встречи», 1955–1956 гг.) к лирической (3-я встреча, 1957 г.), затем к эксцентрично юмористи-

ческой (встреча 5-я, 1958 г.) и практически к святочному рассказу, хоть и перелицованныму наизнанку (встреча 6-я), можно интерпретировать как отражение некоторых тенденций не только в культуре детства, но и в советской культуре в целом. Отойдя от актуализации романтического начала андерсеновских текстов и коллизий биографического мифа, авторы радиопостановки создали, тем не менее, яркое произведение в духе «советского бидермайера», предвосхищающее превращение Х.-К. Андерсена в эмблематическую фигуру «сказочного» и «волшебного» в пантеоне советской массовой культуры. Трактовка С. Богомазова, Б. Чайковского и А. Столбова сочетала уход от политизации с эскапизмом, реабилитацию и романтизацию приватной культуры детства (сказки, игрушки, новогодняя елка) с определенной инфантанизацией и упрощением авторского замысла. В то же время, подход к работе с текстами Андерсена отличался творческой свободой, талантливой импровизацией. Радио как медиа-посредник, более доступный слушателям-детям в те годы, чем театр или телевидение, внесло свой значимый вклад в советскую андерсениану.

Примечания

¹ Первыми в круг чтения детей и взрослых вошли издания на французском языке, например «Contes d'Andersen, traduits du danois par de Soldi» (Paris, 1856).

² Отметим, что здесь и далее речь идет об известных на сегодняшний день изданиях произведений Х. К. Андерсена, включенных в указатель И. Старцева за период с 1918 г. по 1955 г.

³ Обширный корпус биографий Андерсена, первой из которых можно считать очерк Ю. Икскуль «Нечто об Андерсене» (1857), а наиболее известной — новеллу К. Паустовского «Сказочник» (1955), правомерно отнести к этому разряду, так как все они в той или иной степени основаны на автобиографии Андерсена «Сказка моей жизни», опубликованной в 1847 г. на немецком языке, а в 1855 г. с дополнениями на датском.

⁴ Псевдоним Ольги Петровны Браиловской (1879–1945), актрисы, драматурга и режиссера.

⁵ Это название дано создателями Архива уже в наши дни. В радиопрограммах указывалось название каждой части — «Свинопас» и др.

⁶ «Свинопас» (1956); «Г. Х. Андерсен. Сказки» («Улитка и Розовый куст»; «Штопальная игла») (1956); «Стойкий оловянный солдатик» (1956); «Новое платье короля» (1958); «Калоши счастья» (1973).

⁷ Всемирный совет мира (ВСМ) — международная общественная организация, ставящая своей целью объединение сторонников мира в разных

странах, основанная в 1950 г. Деятельность ВСМ финансировалась и направлялась, в основном, Советским Союзом.

⁸ Здесь и далее перевод с английского языка автора статьи.

⁹ Первое издание в 1936 г. (переиздание в 1937 и 1938); переработанное и дополненное — в 1943 г.

¹⁰ В частности, в журналах «Наука и жизнь», «Народное образование», «Знамя», «Начальная школа», «Нева», «Советская женщина», в сборнике «Вопросы детской литературы» и пр.

¹¹ Существуют фрагменты записи другого варианта этой же радиопостановки 1945 г. [Андерсен 1945].

¹² Иоффе Роза Марковна (1907–1966) — режиссер и сценаристка, создательница советского радиотеатра для детей. Уволена с работы в Детской редакции Всесоюзного радио в 1948 г. во время кампании по «борьбе с космополитизмом».

¹³ Путинки — микрорайон в центре Москвы.

¹⁴ См., напр., сказки «Снежная королева», «Русалочка», «Калоши счастья», новеллы «Гречиха», «Ромашка», «Бронзовый кабан», «Сердечное горе» и др.

¹⁵ В русских переводах Андерсена это выражение встречается в новелле «Маленький Тук» [Андерсен 1973, 373].

¹⁶ Образ радио-Сказочника отчасти совпадает с образом Оле-Лукойе, выполняющим роль повествователя в мультфильме «Снежная королева» (1957, реж. А. Атаманов).

¹⁷ Здесь и далее текст радиопостановки цитируется по аудиозаписи спектакля, представленной на сайте «Старое радио».

¹⁸ Здесь и далее в квадратных скобках указывается отрезок времени в аудиозаписи.

¹⁹ Ср.: «У меня масса материала, иногда мне кажется, будто каждый забор, каждый маленький цветок говорит: „Взгляни на меня, и тебе откроется история всей моей жизни!“ И стоит мне так сделать, как у меня готов рассказ о любом из них». Письмо Х.-К. Андерсена от 20 ноября 1843 г. датскому поэту Б. С. Ингеману (1789–1862) [Гренбек 1979, 187].

²⁰ Клумпе-Думпе — персонаж датского фольклора, упоминается в сказке Андерсена «Ель».

Литература

Источники

Андерсен 1958 — Андерсен Х.-К. Калоши счастья: сказка: [аудиозапись] / исп.: Н. Литвинов, Р. Плятт, Е. Весник, Г. Вицин, О. Табаков, В. Орлова, В. Муравьев, Т. Чистякова, и др. // «Старое радио»: фонографический архив Ю. И. Метелкина. 1958. (50 мин. 28 с.). URL: <https://www.staroradio.ru/audio/18726>

Андерсен 1957 — Андерсен Х.-К. Новое платье короля: сказка: [аудиозапись] / исп.: Н. Литвинов, Р. Плятт, Е. Понсова, Г. Вицин, В. Осенев, С. Пруссаков, М. Абрамов // «Старое радио»: фонографический архив Ю. И. Метелкина. 1957. (36 мин. 55 с.). URL: <https://www.staroeradio.ru/audio/40973>

Андерсен 1945 — Андерсен Х.-К. Оле Лукойе: сказка [аудиозапись; неизвестный вариант] / исп.: М. Бабанова, Р. Плятт, В. Сперантова, реж. Р. Иоффе // Старое радио: фонографический архив Ю. И. Метелкина. 1945. (42 мин. 34 с.) URL: <http://theatrorologia.su/audio/2546>

Андерсен 1955 — Андерсен Х.-К. Свинопас: сказка: [аудиозапись] / исп.: Н. Литвинов, О. Ефремов, О. Николаева, В. Лепко, Э. Кириллова, Н. Львова, Н. Киселева // «Старое радио»: фонографический архив Ю. И. Метелкина. 1955. (24 мин. 27 с.). URL: <https://www.staroeradio.ru/audio/40661>

Андерсен 1947 — Андерсен Х.-К. Сказки / пер. А. Ганзен; рис. В. Конашевича. М.-Л.: Министерство просвещения РСФСР Гос. изд-во детской литературы, 1947.

Андерсен 1973 — Андерсен Х.-К. Сказки и истории / пер. с дат. А. В. и П. Г. Ганзен. Т. И. Кишинев: Лумина, 1973.

Андерсен 1973a — Андерсен Х.-К. Сказки и истории / пер. с дат. А. В. и П. Г. Ганзен. Т. И. Кишинев: Лумина, 1973.

Андерсен 1959 — Андерсен Х.-К. У новогодней елки: Радиопостановка: [аудиозапись] / Советское радио. Гостелерадиофонд. 1959. (18 мин. 50 с.). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mTvOUT7JIMY>

Андерсен 1955a — Андерсен Х.-К. Улитка и розовый Куст. Штопальная игла: сказки: [аудиозапись] / исп.: Н. Литвинов, Э. Кириллова, К. Вахтеров, Р. Зеленая, Г. Вицин // «Старое радио»: фонографический архив Ю. И. Метелкина. 1955. (26 мин. 33 сек.). URL: <https://www.staroeradio.ru/audio/40696>

Богомазов 1966 — Богомазов С. Взаимная любовь // Детская литература. 1966. № 8. С. 23–25.

Горбунов 2020 — Писательницы России: Материалы для библиографического словаря / сост. Ю. А. Горбунов. Екатеринбург: Свердловская областная научная универсальная библиотека им. В. Г. Белинского. URL: <https://book.uraic.ru/elib/authors/gorbunov/index.htm>

Дейч 1937 — Дейч А. Сказки Андерсена // Детская литература. 1937. № 12 (июнь). С. 13–14.

Станчинская 1924 — Станчинская Э. Список книг для детей дошкольного возраста (от 4–8 л.): К III Всероссийскому дошкольному съезду // На путях к новой школе. 1924. № 9. С. 129–134.

Старцев 1933 — Старцев И. И. Детская литература. Библиография 1918–1931. М.: Мол. Гвардия; Тип. «Пролетарское слово», 1933.

Старцев 1941 — Старцев И. И. Детская литература. Библиография 1932–1939. М.-Л.: Детиздат, 1941.

Старцев 1948 — Старцев И. И. Детская литература. Библиография 1941–1945. М.-Л.: Изд. и ф-ка дет. книги Детгиза в Москве, 1948.

Старцев 1950 — Старцев И. И. Детская литература. Библиография 1946–1948. М.-Л.: Изд. и ф-ка дет. книги Детгиза в Москве, 1950.

Старцев 1952 — Старцев И. И. Детская литература. Библиография 1949–1950. М.-Л.: Детгиз, 1952.

Старцев 1954 — Старцев И. И. Детская литература. Библиография 1951–1952. М.-Л.: Детгиз, 1954.

Старцев 1958 — Старцев И. И. Детская литература. Библиография 1953–1954. М.-Л.: Детгиз, 1958.

Старцев 1959 — Старцев И. И. Детская литература. Библиография 1955–1957. М.-Л.: Детгиз, 1959.

Шварц 1999 — Шварц Е. Л. Бессмысленная радость бытия: Произведения 30–40 гг. Дневники и письма. М.: Корона-Принт, 1999.

Исследования

Багров 2006 — Багров П. Свинарка и пастух. От Ганса Христиана к Христиану Гансу // Сеанс. 2006. № 25–26. URL: <https://seance.ru/articles/swinarka-i-pastuh>

Брауде 1983 — Брауде Л. Ю. Ханс Кристиан Андерсен и его сборники «Сказки, рассказанные детям» и «Новые сказки» // Андерсен Х.-К. Сказки, рассказанные детям. Новые сказки. М.: Наука, 1983. С. 279–321. («Литературные памятники»).

Горбатова 2015 — Горбатова О. В. «Гадкий утенок» Г.-Х. Андерсена в пространстве анимации // ASPECTUS. 2015. № 2. С. 21–25.

Горяева 2007 — «Великая книга дня...»: радио в СССР: документы и материалы / сост. Т. М. Горяева. М.: РОССПЭН, 2007.

Гренбек 1979 — Гренбек Б. Ханс Кристиан Андерсен. Жизнь. Творчество. Личность / пер. с дат. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1979.

Груцынова 2025 — Груцынова А. П. Сказка Ханса-Кристиана Андерсена в русском балете начала XX века: «Принц-садовник» (1907) // Временник Зубовского института. 2025. Вып. 3(50). С. 105–116. DOI: 10.52527/22218130_2025_3_105

Димяненко 2025 — Димяненко А. А. Вещание для детей на Ленинградском радио в 1930-е гг. // Детские чтения. 2025. № 2(28). С. 10–39.

Жаров 2006 — Жаров Б. С. Динамика в восприятии Х. К. Андерсена в Санкт-Петербурге, одном из самых андерсеновских городов мира // Скандинавская филология. 2006. № 8. С. 111–124.

Менисе 2019 — Менисе Т. Классический текст детской литературы в рецепции современной массовой культуры: кроссоверы по сказке Х.-К. Андерсена «Снежная королева» // Детские чтения. 2019. № 1(15). С. 75–92. DOI: 10.31860/2304-5817-2019-1-15-75-92

Павлосюк 2003 — Павлосюк И. Автор как персонаж в пьесах Е. Л. Шварца // Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства / сост. Е. Кулешов, И. Антипова. М.: ОГИ, 2003. С. 274–279.

Пилиповец 2015 — Пилиповец Т. Русские экранизации сказки «Снежная королева»: диалог интерпретаций // Русская филология. 2015. № 26. С. 221–231.

Balina 2020 — Balina M. Konstantin Paustovsky and the Making of Hans Christian Andersen, Paragon of the Soviet Thaw // Hans Christian Andersen in Russia / Ed. by M. S. Jessen, M. Balina, B. Hellman and J. Norregaard Frandsen. Odense: University Press of Southern Denmark, 2020. Pp. 263–282.

Dane 1994 — Dane B. H. C. Andersen-receptionen i Rusland og Sovjetunionen. København, 1994.

Gurova, Krasnova, Zharov 2020 — Gurova E., Krasnova E., Zharov B. Hans Christian Andersen in Contemporary Russian Popular Culture // Hans Christian Andersen in Russia / Ed. by M. S. Jessen, M. Balina, B. Hellman and J. Norregaard Frandsen. Odense: University Press of Southern Denmark, 2020. Pp. 433–456.

Kukulin 2020 — Kukulin Il. Hans Christian Andersen and the Soviet Biedermeier // Hans Christian Andersen in Russia / Ed. by M. S. Jessen, M. Balina, B. Hellman and J. Norregaard Frandsen. Odense: University Press of Southern Denmark, 2020. Pp. 283–322.

Rogatchevski 2020 — Rogatchevski A. Hans Christian Andersen and Russian Film: The Case of “The Snow Queen” / Ed. by M. S. Jessen, M. Balina, B. Hellman and J. Norregaard Frandsen. Odense: University Press of Southern Denmark, 2020. Pp. 371–392.

Wolfson 2020 — Wolfson B. The Double and Its Theater Evgenii Schwartz’s Andersen Plays // Hans Christian Andersen in Russia / Ed. by M. S. Jessen, M. Balina, B. Hellman and J. Norregaard Frandsen. Odense: University Press of Southern Denmark, 2020. Pp. 247–262.

References

Bagrov 2006 — Bagrov, P. (2006). Svinarka i pastuh. Ot Gansa Hristiana k Hristianu Gansu [The Swineherd and the Shepherd. From Hans Christian to

Christian Hans]. Seans, 25–26. Retrieved from: <https://seance.ru/articles/svinarka-i-pastuh>

Balina 2020 — Balina, M. (2020). Konstantin Paustovsky and the Making of Hans Christian Andersen, Paragon of the Soviet Thaw. In M. S. Jessen, M. Balina, B. Hellman and J. Norregaard Frandsen (Eds.), *Hans Christian Andersen in Russia* (pp. 263–282). Odense: University Press of Southern Denmark.

Braude 1983 — Braude, L. Ju. (1983). Hans Kristian Andersen i ego sborniki “Skazki, rasskazannye detjam” i “Novye skazki” [Hans Christian Andersen and his collections “Fairy Tales Told to Children” and “New Fairy Tales”]. In H.-K. Andersen, *Skazki, rasskazannye detjam. Novye skazki* [Fairy Tales Told to Children. New Fairy Tales] (pp. 279–321). Moscow: Nauka.

Dane 1994 — Dane, B. H. C. (1994). Andersen-receptionen i Rusland og Sovjetunionen. København.

Dimianenko 2025 — Dimianenko, A. A. (2025). Veshchanie dlia detei na Leningradskom radio v 1930-e gg. [Broadcasting for children on Leningrad radio in the 1930s]. *Detskie chtenia*, 2(28), 10–39.

Gorbatova 2015 — Gorbatova, O. V. (2015). “Gadkij utenok” G.-H. Andersena v prostranstve animacii [“The Ugly Duckling” by Hans Christian Andersen in the space of animation]. *ASPECTUS*, 2, 21–25.

Gorjaeva 2007 — Gorjaeva, T. M. (Ed.). (2007). “Velikaja kniga dnja...”: radio v SSSR: dokumenty i materialy (2007) [“The Great Book of the Day...”: Radio in the USSR: Documents and Materials]. Moscow: ROSSPJeN.

Grenbek 1979 — Grenbek, B. (1979). Hans Kristian Andersen. *Zhizn'. Tvorchestvo. Lichnost'* [Hans Christian Andersen: Life, Works, and Personality] (transl. M. Nikolaeva). Moscow: Progress.

Grucynova 2025 — Grucynova, A. P. (2025). Skazka Hansa-Kristiana Andersena v russkom balete nachala XX veka: “Princ-sadovnik” (1907) [Hans Christian Andersen’s fairy tale in Russian ballet of the early 20th century: “The Prince Gardener” (1907)]. *Vremennik Zubovskogo instituta*, 3(50), 105–116. DOI: 10.52527/22218130_2025_3_105

Gurova, Krasnova, Zharov 2020 — Gurova, E., Krasnova, E., Zharov, B. (2020). Hans Christian Andersen in Contemporary Russian Popular Culture. In M. S. Jessen, M. Balina, B. Hellman and J. Norregaard Frandsen (Eds.), *Hans Christian Andersen in Russia* (pp. 433–456). Odense: University Press of Southern Denmark.

Kukulin 2020 — Kukulin, I. (2020). Hans Christian Andersen and the Soviet Biedermeier. In M. S. Jessen, M. Balina, B. Hellman and J. Norregaard Frandsen (Eds.), *Hans Christian Andersen in Russia* (pp. 283–322). Odense: University Press of Southern Denmark.

Menise 2019 — Menise, T. (2019). Klassicheskij tekst detskoj literatury v recepcii sovremennoj massovoj kul'tury: krossover po skazke H.-K. Andersena

“Snezhnaja koroleva” [A classic children’s literature text in the reception of modern popular culture: crossovers based on Hans Christian Andersen’s fairy tale “The Snow Queen”]. *Detskie chtenia*, 1(15), 75–92. DOI: 10.31860/2304-5817-2019-1-15-75-92

Pavlosjuk 2003 — Pavlosjuk, I. (2003). Avtor kak personazh v p’esah E. L. Shvarca [The author as a character in the plays of E. L. Schwartz]. In E. Kuleshov, I. Antipova (Eds.), *Detskij sbornik: stat’i po detskoj literature i antropologii detstva* [Children’s collection: articles on children’s literature and the anthropology of childhood] (pp. 274–279). Moscow: OGI.

Pilipovec 2015 — Pilipovec, T. (2015). Russkie jekranizacii skazki “Snezhnaja koroleva”: dialog interpretacij [Russian Film Adaptations of the Fairy Tale “The Snow Queen”: A Dialogue of Interpretations]. *Russkaja filologija*, 26, 221–231.

Rogatchevski 2020 — Rogatchevski, A. (2020). Hans Christian Andersen and Russian Film: The Case of “The Snow Queen”. In M. S. Jessen, M. Balina, B. Hellman and J. Norregaard Frandsen (Eds.), *Hans Christian Andersen in Russia* (pp. 371–392). Odense: University Press of Southern Denmark.

Wolfson 2020 — Wolfson, B. (2020). The Double and Its Theater Evgenii Schwartz’s Andersen Plays. In M. S. Jessen, M. Balina, B. Hellman and J. Norregaard Frandsen (Eds.), *Hans Christian Andersen in Russia* (pp. 247–262). Odense: University Press of Southern Denmark.

Zharov 2006 — Zharov, B. S. (2006). Dinamika v восприятии H. K. Andersena в Санкт-Петербурге, одному из самых andersenovskih gorodov mira [Dynamics in the Perception of H. C. Andersen in St. Petersburg, One of the Most Andersenian Cities in the World]. *Skandinavskaja filologija*, 8, 111–124.

Inna Sergienko

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-0962-0946

“KRIBLE-KRABLE-BOOMS!”: FROM THE HISTORY OF SOVIET RADIO ANDERSENIANA OF THE 1950S

This article examines a radio production of Hans Christian Andersen’s fairy tales broadcast on All-Union Radio between 1955 and 1959. Fairy tales were created by screenwriter Sergei Bogomozov, composer Boris Tchaikovsky, and director Alexander Stoibow. The script for the radio play was based on both widely known fairy tales of the time (“The Swineherd,” “The Emperor’s New Clothes,” “The Steadfast Tin Soldier,” “The Princess and the Pea”) and lesser-known ones (“The Galoshes of Happiness,” “The Snail and the Rosebush,” “The Darning Needle,” and “The Spruce”). The author notes that radio interpretations of Andersen’s works constitute the least studied area of Russian Anderseniana today. The article focuses primarily on the techniques used to adapt book texts for radio and the extent to which sociocultural and political contexts shaped these adaptations. The interpretation of Andersen’s work proposed by the creators of the radio play is considered within the broader trends of popular culture during the Thaw (depoliticization, escapism, infantilism). Particular attention is paid to the figure of the Storyteller (portrayed by Nikolai Litvinov), noting that this image — which later became entrenched in Soviet and post-Soviet Anderseniana — is innovative in relation to earlier tradition, including the plays of Evgeny Schwartz.

Keywords: children’s radio, radio play, Anderseniana, fairy tale, Sergej Bogomazov, Hans Christian Andersen, Storyteller (Skazochnik)